

СКРЫТЫЙ СМЫСЛ ВОЙНЫ

I

[Теперь, когда после четырех с половиною лет ужаса крови и катастроф, наконец, раскрывается возможность выхода из состояния войны, ставшего хроническим и привычным, и наступает время итогов пережитого катаклизма, невольно хочется мысленно возвратиться к самому началу войны и припомнить свою психологию мирного гражданина Европы, неожиданно кинутого в самую страшную из человекоубийственных боен из всех, когда-либо подготовленных извращениями и ложью общей культуры эпохи.

Неслучайной игрой судьбы мне довелось пережить начало и первые два года войны не так, как переживали их все, и первую часть моей беседы я позволю себе посвятить личным моим впечатлениям и воспоминаниям. Они помогут мне создать ту атмосферу, в которой мои мысли о смысле Великой Европейской войны покажутся, быть может, менее еретическими и парадоксальными.]

Переносясь мысленно на 6 лет назад, я вижу себя в большом европейском городе¹, в котором нахожусь в первый раз в жизни, несмотря на то, что знаю Европу хорошо и исколесил ее вдоль и поперек.

Любопытство, жгущее подошвы ног, когда в первый раз вступаешь на мостовую неизвестного города, заставило меня, несмотря на усталость пути, прямо с вокзала пойти бродить по улицам в этот июльский вечер.

Бесстыльно монументальные, под прямыми углами пересекающиеся и безлюдные переулки вывели меня к широкому пространству реки.

Это была желто-зеленая поверхность, вся напряженная мускулами внутреннего движения и обрамленная каменными набережными. В ней чувствовалась царственность великой исторической реки. Город перебрасывался на ту сторону цепными и сводчатыми мостами, теснился в долинах, взбирался на крутые холмы, повитые парками и венчаные коронами старых крепостей. Рядом – огромное, многочленное здание спускалось к реке широкими, перспективно-пустынными лестницами и над самой водой тянулись зигзагами узкие парапеты и ногами вытоптаннные в камне тропы.

На одной из лестниц, заканчивавшейся пристанью, продавщица разложила красные розы и гвоздики. Цветы, одиноко алевшие в закатных лучах, впервые обратили внимание на безлюдье, сопровождавшее мои блуждания по этому городу.

Только три дня назад я переступил границу этой страны, язык которой мне был непонятен. Я пересек горную область, скалистую, снежную, с редкими соснами. Я видел мирные города, сдавленные лесистыми склонами крутых долин, целиком скрытые под сенями вековых каштанов; церкви и дома, хранившие знаки истории суровой и рыцарственной. Выветрившиеся статуи и обветшалые гербы украшали площади, поросшие травой, и ворота, зацветшие мхом. В первый вечер в окно вагона глянул алмазный серп, врезанный в зеленое поле закатного неба. Быстрые реки, стремительные холмы, леса, подбегавшие к железному пути, деревья, отступавшие, держась за руки, напоминали о той Европе, которую можно было проехать на коне от Парижа до ворот Константинополя, не выходя из-под лесной сени.

---

¹ Речь идет о Будапеште, куда Волошин прибыл вечером 13/26 июля 1914 и где провел весь следующий день. См.: Труды и дни. С. 354-355.

Медленный поезд останавливался на полустанках и везде его ждали веселые толпы: днем с цветами, ночью с огнями. В вагон садились рослые парни в светлых рубашках и белых зипунах с вышивками и лентами. На скрещениях мы ждали подолгу встречных поездов, тоже переполненных людьми, криками, песнями.

Немой и глухой среди этого говорливого множества, влекомый по руслу большого железнодорожного пути, я вместе с ними влился в этот город – сердце страны.

Молчаливость и безлюдье его улиц после праздничного возбуждения, переполнявшего всю страну, удивили, почти обеспокоили.

Обойдя готическое здание, я пересек площадь – в оконницах горели золото-алые лучи и светились нежно-зелеными тенями в оранжевых занавесках, – пересек в том направлении, где должно было находиться средоточие города.

Но сколько я ни углублялся в каменные коридоры, – они были пусты, магазины были заперты, и только пунктиры загоравшихся фонарей сопровождали мои шаги в быстро лиловевших сумерках.

Наконец за крутым поворотом из глубины улицы в лицо пахло светом и гулом: там кипело, чернело и сверкало.

Я вышел на проспект, обсаженный деревьями, подымавшими в электрической пыли жестяные листья. Кафе и рестораны открывали огненные зевы. Мигали надписи. Толпа текла, как ртуть, то слипаясь, то дробясь на шарики. В ней, как в реке час назад, чувствовались мускулы внутреннего напряжения, заставлявшие шаги переходить в бег, захватывавшие, кружившие, уносившие.

Отдавшись им, я был вынесен на улицу еще более широкую. Сквозь тупой, почти ровный гул вспыхивали яркие лоскуты песни. Далеко впереди призрачно реяли знамена. В самой глубине звука можно было угадать глухой удар марширующих ног и заглушенный треск барабана. Вокруг были лица, с губами, разверстыми криком в форме омеги. Стало ясно, что город переживает нечто необычайное.

Но что: демонстрацию? мятеж? стачку рабочих? празднество? выборы? революцию? Я искал признаков, по которым можно был определить смысл судороги, охватившей его.

Прислушиваясь к звукам и читая надписи, я не мог различить знакомых звуков: в нем не было ни славянских, ни латинских, ни германских корней, скорее, звучали горловые согласные монгольских наречий. На вопросы на других языках отвечали пожатием плеч.

Оставалось разбирать по слогам интонации и жесты. Вечерние издания телеграмм, жадно развертываемые, говорили о быстро накопившихся событиях. Протискиваясь сквозь группу толпившихся, я увидел, что они читали с жадностью широкие белые афиши, расклеенные по стене.

Я не понимал в них ни слова, но цвет бумаги, официальность шрифта, государственные гербы подсказали мне, что это не революционное воззвание, а обращение правительства.

Манифест ... солдаты ... знамена ... барабаны ... – Война! Но с кем?

Четыре дня назад, когда я переступил границу этой страны, по всей Европе царил глухое летнее затишье. Вдруг стало понятно праздничное ликование и встречные поезда с товарными вагонами, переполненными людьми, шедшие по направлению к

восточной границе. Прислушиваясь к крикам, мне казалось, что я различаю звуки, похожие на имя моего народа.

Чувство исторической связи событий и мест странно оборвалось. Казалось невозможным, чтобы за три дня совершились события, вызвавшие войну. Казалось, что я переживаю фантастический сон, что я кинут в неведомые века, в неизвестную страну, быть может европейскую, но после ее завоевания монголами. Об этом говорили убедительно, как во сне, европейские формы города в связи со звуками азиатских наречий и не арийский тип лица.

Было так, как будто я читаю первую главу фантастического романа будущих времен.²

Сознание того, что ни я, ни ко мне никто не может обратиться с вопросом, рождало чувство странной безопасности, как будто я сам был физически невидим.

И до глубокой ночи я бродил по воспаленному городу, наблюдая оком человека иных времен, как постепенно гасли крики, страсти, огни, глаза, звуки, движение ...

На другое утро номер немецкой газеты восстановил прерванную связь событий и снова включил меня в течение исторической жизни, навсегда запечатлев образ Будапешта вечером 26 июля 1914 года, в день начала войны с Сербией.³

Случилось так, что я переезжал из России в Галац через румынскую границу в тот день, когда Сербии был предъявлен ультиматум. В то время, когда решались судьбы европейского мира, я странствовал по маленьким городкам Венгрии, не читая газет, а этих четырех дней было достаточно, чтобы кинуть Европу в новый цикл истории и покончить с последними остатками XIX века.

Для меня Европейская война не была неожиданностью: я сознавал ясно, какими катастрофами чревата Европейская культура, за три года до того я пережил в Париже последствия «Агадирского хода»⁴, когда в течение нескольких дней Европейская война казалась неизбежной. Наконец, в психической атмосфере тяжелого лета 1914 года чувствовалось нарастание катастрофы – и не в фактах, не в событиях, а в той сосредоточенной духоте, которая бывает только перед грозой.

Помню, как, уезжая из России, я говорил с друзьями в ожидании отхода парохода и мы перебирали с болью и удивлением ряд событий, которыми было ознаменовано это лето в нашей личной жизни и в жизни наших близких. Почти у каждого она была потрясена и смята неожиданными психическими вихрями. Семейные драмы, пожары, смерти детей, распады многими годами спаянных союзов, шквалы неожиданной любви, – все это прошло в течение нескольких летних недель через жизнь нашего круга, до тех пор чуждого этим переживаниям.

---

² *Приписано карандашом*: Это глава романа Уэльса.

³ Австро-Венгрия объявила войну Сербии не в указанный день, а 28 июля; ранее, 23 июля, Австро-Венгрия предъявила ультиматум Сербии.

⁴ Имеется в виду кризис во взаимоотношениях между Францией и Германией (лето 1911), спровоцированный германской оккупацией марокканских гаваней Агадир и Могадор. Кризис разрешился признанием Германией протектората Франции над большей частью Марокко в обмен на территориальные уступки Франции во Французском Конго. Волошин коснулся этой темы в парижской корреспонденции «Войны мы не хотим» (М. Волошин. Собрание сочинений, 2008, Т. 6, кн. 1, стр. 409-410).

«Мне кажется, что такие шквалы, проходящие сразу через жизнь многих частных людей без связи их друг с другом, служат всегда предвестниками больших всенародных катастроф, – говорил я, садясь на пароход. – Мы должны теперь ждать либо войны, либо революции».

И все же осуществление этих слов меньше чем через неделю поразило своей неожиданностью.

Судьба увела меня из России в самый последний момент перед началом войны, привела меня в Будапешт в часы ее начала, и потом, точно подводное течение, проносящее пловца, отдавшегося ему невредимым среди самых страшных бурунов, всюду приводило меня на последний поезд, на последний пароход, в то время как за моей спиной обрушивались все мосты и захлопывались все пройденные двери, и наконец перевела через швейцарскую границу за полчаса до ее закрытия. В тот час, когда война между Россией и Германией стала осуществившимся фактом, – я был уже у цели своего путешествия – в Базеле, успев по дороге проститься надолго с венскими Брегеями⁵ и мюнхенским Альтдорфером⁶.

*Томимый снами, я дремал,
Не чуя близкой непогоды;
Но грянул гром, и ветер упал,
И свет померк, и вздулись воды.
И кто-то для моих шагов
Провел невидимые тропы
По стогнам буйных городов
Объятой пламенем Европы.
Уже в петлях скрипела дверь
И в стены бил прибой с разбега,
И я, как запоздалый зверь,
Вошел последним в дверь Ковчега.⁷*

Ковчег, в который я вошел запоздалым зверем, был «дом Св. Иоанна»⁸, строившийся около деревни Дорнах в Базельском кантоне, – сферическое здание под двойным шарообразным куполом. Он стоял высоко в горах в том месте, где Базельская земля, вдающаяся полуостровом между Францией, Альзасом и Германией, образует узкий перешеек.

С его холмов видна вся долина Рейна, поворачивающая к северу, – с Базелем, Альткирхе, Мюлузом, Кольмаром, замыкаемая на горизонте левого берега цепью Вогезов, а на правом берегу немецкою крепостью Иштейн.

Здесь, над равнинами Альзаса, служившими полем первых битв, в осеннем затишье буковых лесов, нарушавшемся глухим благовестом артиллерии, гудевшим от

⁵ В Венском музее истории искусства хранятся многочисленные работы Питера Брейгеля Старшего, а также картины его сыновей Питера и Яна Старшего.

⁶ Речь идет о работах Альбрехта Альтдорфера, хранящихся в Старой Пинакотеке.

⁷ Стихотворение Волошина «Под знаком Льва» (с вариантом в заключительной строке; август 1914). См.: М. Волошин. Собрание сочинений. 2008, Т. 1, стр. 224.

⁸ Гетеанум (Johannesbau), антропософский центр, возводившийся с сентября 1913 под руководством Р. Штейнера. Волошин приехал участвовать в строительстве по зову М.В. Сабашниковой.

Бефора до Grand Ballon d'Aisace⁹, переживалось начало войны и слагались первые строки стихов о войне.

*Ангел непогоды пролил огонь и гром,
Напоив народы яростным вином.
Средь земных безлюдий тишина гудит
Грохотом орудий, топотом копыт.
Преклоняя ухо в глубь души, внемли,
Как вскипает глухо желчь и кровь земли.¹⁰*

Когда взгляд останавливался на этой широкой, плодоносной и зеленой долине Рейна, испещренной старинными городками, в течение веков служившими очагами университетской и художественной жизни, освященных именами Гольбейна, Грюнвальда, Бернулли, Везелия...¹¹ где теперь под сизой речной дымкой, ее неизменно покрывавшей, совершалось таинственное дело войны, – тогда казалось, что присутствуешь при недобрых и зловещих сельских работах:

*В осенний день по стынущим полянам
Дымящиеся водят борозды
Не пахари. Не радуется ранам
Своим земля. Не плуг вскопал следы.
Не семена пшеничного посева,
Не ток дождей в разъявшаюся новь, -
Но сталь и медь, живую плоть и кровь
Недобрый Сеятель в годину Лжи и Гнева
Рукою щедрою посеял ... Бед
И ненависти колос, змеи плевел
Взойдут в полях безрадостных побед,
Где землю-мать жестокий сын прогневил.¹²*

Здесь, на широких нагорных террасах Дома Св. Иоанна, под вешим небом осени 1914 года с кометой в созвездии Большой Медведицы, проводил я первые ночи войны, стоя на всеобщей страже. Дни были тревожные; в Швейцарии в ответ на нарушение нейтралитета Бельгии¹³ ожидали со стороны Франции нарушения швейцарского нейтралитета, и тогда прорыв должен был совершиться именно через

⁹ Т.е. с территории Франции: Бефор (или Бельфор; Belfort, Befort)- крепость и главный город французского Верхне-Рейнского департамента, у южной подошвы Вогезов; Grand Ballon - горная вершина в Вогезах (1423 м).

¹⁰ Стихотворение Волошина «Над полями Альзаса» (сентябрь 1914). См.: М. Волошин. Собрание сочинений, 2008, Т. 1, стр. 225.

¹¹ Бернулли - семья швейцарских ученых-математиков: Якоб (1654-1705), его брат Иоганн (1667-1748), сын последнего Даниил (1700-1782). Везелий - видимо, Андреаз Везалий (1514-1564), естествоиспытатель, основоположник анатомии; родился в Брюсселе, работал во многих европейских странах.

¹² Стихотворение Волошина «Посев» (3 февр. 1915). См.: М. Волошин. Собрание сочинений, 2008. Т. 1, стр. 226.

¹³ В ультиматуме Германии бельгийскому правительству заявлялось, что, предупреждая намерение Франции вторгнуться на территорию Бельгии, Германия вынуждена упредить события и ввести в Бельгию свои войска. 2 авг. 1914 г. Германия вручила ультиматум Бельгии, после чего оккупировала ее.

долину, над которой стояло недостроенное здание Дома Св. Иоанна. Поэтому мы все, работающие над ним, по очереди держали ночью стражу.

Огромное недостроенное здание невиданной архитектуры, с колоссальными залами под сферическими куполами, все обвитое лесами и сходнями снаружи и внутри, на монументальных каменных террасах, с обширными подземельями, ходами, коридорами, круговыми лестницами, напоминающими ушные раковины или губы моллюсков, с дверными прорезами в форме сложных конических сечений, здание, в котором внутренний четкий кристалл архитектуры одухотворен напряженностью органических и растительных форм – нарастающих и расправляющихся, здание, как бы втягивающее в себя и в себе преображающее душу и память посетителя, здание, построенное на склонах Юры, а кругом него, на всем пространстве видимого горизонта, явственная среди ночи, картина пылающего Мира, охваченного спазмой войны: светлы, зарева, перебегающие огни и световые щупальцы прожекторов, осязающие дальние холмы и иногда скользящие по сизым черепицам двойного купола, – вот была обстановка этих патетических ночей. И когда одинокому и потерянному, с малым сторожевым светильником в руке, приходилось бродить по лабиринтам этих фантастических снов, не снявшихся Пиранези¹⁴, обращая взгляды к темному, пылающему окоему Рейна, то никогда и нигде не чувствовалась с такой полнотой внутренняя разодранность единой плоти Европы, разрываемой братоубийственной, междоусобной войной.

*В эти дни великих шумов ратных
И побед, пылающих вдали,
Я пленен в пространствах безвозвратных
Оголенной стынущей земли.
В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри разодран он
Яростью сгрудившихся народов,
Ужасом разъявшихся времен.
В эти дни нет ни врага, ни брата -
Все во мне и я во всех. Одной
И одна тоскою плоть объята
И горит сама к себе враждой.
В эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется как дым, -
В эти дни душа больна одним
Искушением – развоплотиться.¹⁵*

Это чувство единого божественного тела, разодранного враждебными титанами, увеличивалось еще составом того круга людей, с которыми мы жили и работали. Дом Св. Иоанна – театр для оккультных мистерий, аудитория для эзотерической проповеди, лаборатория духовной жизни и творчества будущей Европы, осуществляемый по замыслу и по планам Рудольфа Штейнера, строился руками его учеников, собравших-

¹⁴ Подразумеваются графические «архитектурные фантазии итальянского мастера, отличающиеся грандиозностью пространственных построений.

¹⁵ Стихотворение Волошина «В эти дни» (5 февр. 1915). См.: М. Волошин. Собрание сочинений, 2008. Т. 1, стр. 223.

ся со всех концов Европы, представителей всех европейских стран, безвозвратно разделенных войной. Среди нас были германцы, англичане, русские, французы, итальянцы, скандинавы, голландцы, американцы, сербы... Каждый день мы работали бок о бок, высекая звонкими долотами капители гигантских колонн, сложенных из мощных толщ символических деревьев, вникая железом то в суровую плоть дуба, то в нежное тело березы, а в полдень к обеду собирались в одной кантине и читали – каждый газеты своей страны и переживали победы и поражения своего народа и не боялись обмениваться своими мыслями и впечатлениями. Здесь невозможно было с легким сердцем объявить ложью все противоположные утверждения политического врага и успокоить свою совесть односторонним утверждением своей правоты. Каждый день призывы ратников враждующих сторон отрывали от работы часть наших товарищей, и мы на прощанье братски целовали как германских, так и английских офицеров, шедших сражаться с нами или против нас. Здесь нарушенное единство Европы чувствовалось ничем не смягченным, здесь никак нельзя было успокоиться на одной <из> чашек весов, потому что наши сердца были прикованы к самой стрелке, указывавшей разницу веса. Это ничем не утолимое горенье всех европейских противоречий невольно вырывалось в страстной молитве:

*Не Ты ли в минуту тоски швырнул на землю весы и меч?
И дал безумным свободу весить добро и зло?
Не Ты ли смесил народы густо и крепко,
Заквасил тесто слезами и кровью,
И топчешь, грозный, грозды людские в точиле гнева?
Не Ты ли поэта кинул на стогны мира – быть оком и ухом?
Не Ты ли отнял силу у рук
И запретил сложить обиды в глубокой чаше земных весов,
Но быть повелел стрелой, указующей разницу веса?
Не Ты ли неволил сердце
Благословить убийц и жертву, врага и брата?
Не Ты ли неволил разум
Принять свершенья непостижимых твоих путей
Во всем гореньи противоречий,
Несовместимых для человечьей, стесненной мысли?
Так дай же силу поверить в мудрость пролитой крови,
Дозволь увидеть сквозь смерть и время
Борьбу народов как спазму страсти,
Извергшей семя внемирных всходов!*¹⁶

Дорнах в этот момент был единственной точкой в Европе, откуда можно было видеть совершающееся под этим углом. Но и сама Швейцария благодаря своему центрально-европейскому положению, благодаря расовому составу, принадлежащему по языку к трем враждующим группам, представляла условия, благоприятные для такой перспективы. Здесь перекрещивались военные вести, шедшие со всех концов Европы. Сюда приходили газеты всех воюющих станом, здесь боролись за первенство две правды, здесь можно было следить за тем, как вырабатывались эти «правды».

¹⁶ Стихотворение Волошина (1 дек. 1915). См.: М. Волошин. Собрание сочинений, 2008. Т. 1, стр. 234-235.

Как только раздел единой и неделимой Европейской Культуры совершился, каждая сторона ощутила необходимость доказать, что Палладиум¹⁷ европейской культуры хранит она и что противники ее – варвары, от которых надо спасти Европу. Началось быстрое и поспешное производство «правды». Союзники, как всюду в начале войны, обнаружили несогласованность действий, а Германия производство «правды» поставила сразу на широкую промышленную ногу, начала производить ее оптом, из добротного материала, и стараясь открывать себе новые рынки. Немудрено поэтому, что германский товар имел больше сбыту и лучше удовлетворял потребности нейтральных стран. Органами производства и распределения правды служили, конечно, газеты. Через них условная правда и необходимая ложь мультиплицировалась и отравляла сознания.

Только в Швейцарии можно было наблюдать, как газета безумила и заражала сознания, как она рождала ту жестокость, которой была отмечена вся современная война.

Правительства всех стран употребляли прессу как средство растравить народные страсти, довести индивидуальные сознания до той ярости, без которой война невозможна.

Европеец – талантливое, практичное и жестокое существо, от соприкосновения с которым другие народы быстро вымирают. Но жестокость, основанная на жадности, не очень опасна, так как она имеет свои пределы о размерах аппетита данного зверя. Гораздо страшнее, когда в дело вступают такие чувства, как жалость, и такие идеи, как справедливость. Тогда человеческая жестокость переходит все звериные пределы. Справедливость на почве чувствительности порождает такие оргии возмездия, пред которыми обычно меркнут первоначальные преступления, породившие их. Германские жестокости в Бельгии и в северной Франции – это факты, стоящие вне сомнения, и на них союзники отвечали соответственно. Но было бы ошибкой приписывать эти деяния грубости и варварству германского солдата, потому что они, в свою очередь, являлись уже актами возмездия.

Я сам в первые дни войны читал в немецких газетах о бомбардировке Нюрнберга французскими аэропланами, о французских врачах, отравлявших воду в немецких колодцах холерными бактериями, об бельгийских девушках, выкалывавших глаза немецким раненым. Все это было выдумкой, и я видал даже опровержения этих сведений, сделанные на другой день в тех же газетах мелким шрифтом. Но дело было сделано – опровержений никто не читал, а прочитавшие уже мстили врагам за несовершенные злодеяния. Каждая пущенная ложь, умноженная миллионами газетных листков, приносила свои плоды сторицей. Она сеяла вражду, которой еще не было, она убивала уважение к врагу, она анестезировала сердце.

*Проснувшись, пробегаю взглядом вестей горючих писем,
Чтоб душу, влажную от сна, с утра ожечь ползучим ядом.
В строках кровавого листа кишат смертельные трихины.
Проникновенно лезвины, неистребимы, как мечта.
Бродила мщенья, дрожжи гнева вникают в мысль, гниют в сердцах,*

---

¹⁷ Палладиум (палладий) - у древних греков статуя Афины Паллады, считавшаяся покровительницей города; отсюда - защита, оплот.

*Туманят дух, цветут в бойцах огнями дьявольского сева.
Ложь заволакивает мозг тягучей дремой хлороформа,
И зыбкой полуправды форма течет и лепится, как воск.
И гнилотной пронизан дрожью, томлюсь и чувствую в тиши,
Как, обезболенному ложью, мне вырезают часть души.
Не знать, не слышать и не видеть... застыть как соль... уйти в снега.
Дозволь не разлюбить врага и брата не возненавидеть.¹⁸*

В газетах начала войны поражало то, что все они – и союзнические и германские – повторяли друг про друга одно и то же с буквальной точностью, высказывали те же мысли, приводили те же доказательства. Разница была только в собственных именах.

Уху, привыкшему к разноголосице человеческих мнений, это единодушие казалось поразительным и чудесным: в первый раз после Вавилонского Столпотворения все народы заговорили одним языком!

Так наглядно выяснилась истина того, что всякое равновесие строится на согласовании противоречий, на равном упоре противупоставленных сил. Стоит только всем начать утверждать одно и то же, как центр тяжести выносится за пределы устоев, равновесие нарушается и наступает катастрофа. Достаточно было всем европейским странам на несколько часов совпасть в своих самоутверждениях, как им не оставалось ничего другого, как с яростью кинуться друг на друга с намерением перерезать своему соседу горло.

Эту диaboлическую иронию войны можно было почувствовать только здесь, на этом перекрестке всеевропейской лжи. В каждой из отдельных воюющих стран ложь была своею условной, военной правдой – удобной, необходимой и потому незаметной.

Здесь ЛОЖЬ стояла во весь свой апокалиптический рост.

Перед глазами часто стояла в это время Альтдорферская «Битва Александра Великого»¹⁹, проститься с которой я заходил в Мюнхенскую Пинакотеку по какому-то наитию за несколько часов до начала войны. Там под клубящимся небом с заходящим солнцем, лучи которого бьют как из жерла мортиры, – снизу вверх расстилаются изборозжденные и безмерные плоскогорья Азии, а в глубине щетинистым клубом копий и всадников мятется битва. А сквозь облик этого патетического пейзажа вставал образ другой – Апокалиптической битвы, когда Ангел выливает шестую чашу и реки иссякают, из уст зверя выходят духи ЛЖИ, имеющие вид трех жаб, и собирают царей и царства вселенной на место, называемое Армагеддон, для последней битвы всех времен.²⁰

*И в душе вставало такое видение:
Положив мне руки на заплечье -
Кто не знаю, но пронзил испуг,
И упало сердце человечье... -
Взвел на холм и указал вокруг.
Никогда такого запустенья*

¹⁸ Авторский вариант стихотворения «Газеты» (12 мая 1915). См.: М. Волошин. Собрание сочинений, 2008. Т. 1, стр. 227.

¹⁹ «Битва Александра Великого» - картина А. Альтдорфера (1529; Старая Пинакотека, Мюнхен).

²⁰ Откр. XVI, 12-16.

И таких невыявленных мук
 Я не грезил даже в сновиденьи.
 Предо мной, тускла и широка,
 Цепенела в мертвом исступленьи
 Каменная зыбь материка.
 И куда б ни кинул смутный взор я -
 Расстилались саваны пустынь,
 Русла рек иссякших, плоскогорья,
 По краям, где индевела синь,
 Громоздились снежные нагорья,
 И клубились свитками простынь
 Облака. Сквозь огненные жерла
 Тесных туч багровые мечи
 Солнце заходящее простерло...
 Так прощально гасли их лучи,
 Что тоскою мне сдавило горло
 И просил я: «Вещий, научи:
 От каких планетных ураганов
 Этих волн гранитная гряда
 Взмыта вверх?» И был ответ: «Сюда
 По иссохшим ложам океанов
 Приведут в дни Страшного Суда
 Трое жаб царей и царства мира
 Для последней брани всех времен.
 Камни эти жаждут испокон
 Хмельной желчи Божьего Потира.
 Имя этих мест – Армагеддон».²¹

Сквозь видения этих пейзажей, где-то ожидающих испокон веков последней спазмы человеческих войн, проникали видения действительности, не менее ужасной; особенно потрясала судьба Франции. Гибель Реймского собора²² была самой нестерпимой болью из всех потерь войны. Это была гибель живого существа, живого свидетеля старой, прекрасной Европейской культуры XIII века, задавленной и со злорадством истребленной последующими веками и особенно последним – тупым, самоуверенным и жестоким XIX веком, который посеял все семена пламени и раздора, Кадмовы драконьи зубы,²³ при цветении которых мы присутствуем теперь.

Плывающий за руном по хлябям диких вод
 И в землю сеющий драконьи зубы – вскоре
 Увидит в бороздах не озими, а всход

²¹ Стихотворение Волошина «Армагеддон» (3 окт. 1915). См.: М. Волошин. Собрание сочинений, 2008. Т. 1, стр. 232-233.

²² См. примеч. 21 к наброскам «Дух готики» (стр. 970 наст. тома).

²³ Кадм (греч. миф.) - сын финикийского царя Агенора, основатель Фив. В месте, указанном Кадму для основания города, ему пришлось вступить в борьбу с драконом; убив чудовище, Кадм по совету Афины засеял поле его зубами, из которого выросли вооруженные люди, вступившие в единоборство друг с другом. Пятеро оставшихся в живых стали родоначальниками знатнейших фиванских родов.

*Гигантов борющихся... Горе!*²⁴

Когда однажды мне попались слова Родена: «Видимый в три четверти Реймский собор вызывает представление об огромной женской фигуре, коленопреклоненной в молитве»,²⁵ то сквозь них возник в душе такой образ Реймской Богоматери:

*В минуты грусти просветленной
 Народы созерцать могли
 Ее коленопреклоненной
 Меж виноградников земли.
 И всех, кто сном земли недужен,
 Ее целила благодать,
 И шли волхвы, чтоб увидеть
 Ее – жемчужину жемчужин.
 Она несла свою печаль,
 Одета в каменные ткани,
 Прозрачно-серые, как даль
 Спокойных овидей Шампани.
 И соткан был ее покров
 Из жемчуга лугов поемных,
 Туманных утр и облаков,
 Дождей хрустальных, ливней темных.
 Одежд ее чудесный сон,
 Небесным светом опален,
 Горел в сияньи малых радуг,
 Сердца мерцали алых роз,
 И светотень курчавых складок
 Струилась прядями волос.
 Земными создана руками,
 Она сама была землей,
 Ее лугами и реками,
 Ее предутренними снами,
 Ее вечерней тишиной.
 ...И, обнажив, ее распяли...
 Огонь лизал и стрелы рвали
 Святую плоть... И по ночам
 В порыве безысходной муки
 Ее обугленные руки
 Простерты к зимним небесам.*²⁶

Образ Франции, борющейся за свое существование, и Парижа, стоящего на краю гибели, героического и прекрасного, все призывнее, все неотступнее привлекали меня. И через шесть месяцев после начала войны, закончив эскизы большой занавеси

²⁴ Текст стихотворения (3 февр. 1915), взятого эпиграфом к разделу «Внутренние голоса» книги Волошина «Anno mundi ardentis 1915». М. Волошин. Собрание сочинений, 2008. Т. 2, стр. 414.

²⁵ Эту цитату (во французском оригинале) из книги О. Родена «Кафедральные соборы Франции» («Les cathedrales de France», 1914) Волошин поставил эпиграфом к стихотворению «Реймская Богоматерь» (М. Волошин. Собрание сочинений, 2008. Т. 1, стр. 240).

²⁶ Стихотворение Волошина «Реймская Богоматерь» (19 февр. 1915). Там же. Стр. 240-241.

Дома Св. Иоанна на тему гётевских «Geheimnisse», когда брат Марк подходит к скалам Монсальвата,²⁷ я покинул Дорнах и уехал в Париж.

Я застал его в январе 1915 года пустынным, строгим, замкнутым в себе. Но его внутренний исторический облик только суровее и строже проступал из-за отсутствия обычного карнавала его бульваров.

*Всё тот же он во дни войны,
В часы тревог, в минуты боли,
Как будто грезит те же сны
И в горнах плавит те же воли.
Всё те же крики продавцов
Да гул толпы, глухой и дальний,
Лишь голос уличных певцов
Звучит пустынной и печальной.
Да ловит глаз в потоках лиц
Решимость сдвинутых надбровий,
Улыбки маленьких блудниц,
Войной одетых в траур вдовий,
Решетки запертых окон,
Да на фасадах полинялых
Трофеи праздничных знамен
В дождях и ветре обветшалых.
Да по ночам безглазый мрак
В провалах улиц долго бродит,
Напоминая всем, что враг
Не побежден и не отходит.
Да светлы небо стерегут,
Да ветер доносит запах пашни,
Да беспокойно-долгий гуд
Идет от Эйфелевой башни.
Она чрез океаны шлет
То бег часов, то весть возмездья,
И сквозь железный переплет
Сверкают зимние созвездья.²⁸*

Париж переживал самые острые кризисы истории – осады, революции, пароксизмы отчаянья и бешенства, опьянения кровавым творчеством новых форм жизни, и пафос самоуничтожения – но всегда он оставался самим собой: в то время как в переулках строились баррикады, рядом на бульварах в кафе люди, как всегда, читали газеты,

²⁷ «Geheimnisse» - незаконченная поэма Гете «Тайны» (1784-1785). Монастырь, посещаемый героем поэмы братом Марком, Волошин идентифицирует с Монсальватом (Монтсальватом, Мунсальвешем) замком, в котором, согласно средневековым легендам, хранится святой Грааль, - видимо, на основании статьи Гете «О фрагменте "Тайны"» (1816). В нем упоминается Монсеррат – бенедиктинский монастырь в Каталонии, который молва отождествляла с легендарным Монсальватом. В развернутой интерпретации поэмы у Р. Штейнера («"Тайны". Рождественско-пасхальная поэма Гете», 1907) Монсальват не упоминается. См.: Гёте Иоганн Вольфганг. Тайны. Сказка; Штайнер Рудольф. О Гёте. М.: Энигма, 1996. С. 33, 172-213.

²⁸ Стихотворение Волошина «Париж в январе 1915 г.». См.: М. Волошин. Собрание сочинений, 2008. Т. 1, стр. 238.

спорили о политике; когда в 1871 году шла бомбардировка укреплений,²⁹ театры в середине города были переполнены, а лучшие умы эпохи – Ренан, Тэн, Гонкуры – вели в кафе Бребан тонкие, умные, скептические беседы. Даже после того, как Париж становился сам полем жесточайших уличных битв (в июне 48-го, в мае 71-го года), он через несколько дней принимал свой обычный уличный вид. Ни при каких обстоятельствах не отрекался он от своих неотъемлемых привилегий: скептической иронии, свободы, остроумия, блеска ума и героического жеста. Но теперь он был необычаен.

После непроизвольной судороги ужаса в сентябре, когда он неожиданно увидел Вильгельма «анте портас»³⁰, он быстро овладел собой. Война застала его пустым, каким он всегда бывает в августе. Он пропустил сквозь себя несколько потоков беженцев, несколько сот тысяч солдат перед Марнским боем,³¹ прошедших беглым шагом по Монпарнасу, Сен-Мишелю и Севастопольскому бульвару, не ложился спать несколько ночей, прислушиваясь к топоту немецкой кавалерии, затем стих и привык к мысли, что немцы в 80 километрах. Он вобрал в себя огни, улыбки, радость, оживление, остроумие, привычный скептицизм, все пьянящее, все возбуждающее. Он стал весь как рука, сжатая от боли. В другой области организма происходит страшная, мучительная операция: чтобы сдержать подступающий крик, ее пальцы сжаты, впились друг в друга ногтями, побелели от напряжения. На вопрос, что нового в литературе, на вас смотрели с удивлением и отвечали: «Литература... разве она существует?» Франция в порыве безрассудного героизма кинула в жерло войны весь цвет своего молодого поколения.

Она поставила в первые ряды своих писателей, художников, поэтов, она сама обрекла их на ненужную гибель, во имя того республиканского равенства, перед которым мясник и художник равны друг другу и которое поэтому всегда ставит в привилегированное положение мясника и бьет всей тяжестью по художнику.

Синодик французского искусства уже тогда был громаден и исчислялся сотнями имен. Республика кинула на убой не одно, а целых два поколения. Оставшиеся в живых протянут руку не сыновьям и внукам, а только правнукам. Это создавало то, что, прикасаясь в Париже к тем средоточьям, где обычно привык встречать полноту кипенья интеллектуальной жизни, вдруг ощущал мертвенную пустоту. Трудно выразить то беспредметное чувство горечи и отлива жизни, которыми Париж был полон в эту первую весну войны.

*Мы дни на дни покорно нижем.
Даль не светла и не мутна,
Над замирающим Парижем
Плывет весна и не весна.
В жемчужных утрах, в зорях рдяных
Ни радости, ни грусти нет.
На зацветающих каштанах*

²⁹ Имеется в виду подавление Парижской коммуны войсками версальцев (21-28 мая 1871).

³⁰ Ante portas (лат.)- перед воротами. Подразумевается развернутое наступление немецких войск на Париж в конце августа - начале сентября 1914.

³¹ В ходе сражения 5-9 сент. 1914 в районе реки Марны англо-французские войска остановили наступление германской армии.

*И лист не лист, и цвет не цвет.
 Неуловимо беспокойна,
 Бессолнечно просветлена,
 Неопьяненно и нестройно
 Взмывает жданная волна.
 Душа болит в краю бездомном,
 Молчит и слушает и ждет...
 Сама природа в этот год
 Изнемогла в бореньи темном.³²*

И в то же время никогда в течение двадцати лет, с тех пор как моя жизнь тесно сплелась с Парижем, я не чувствовал к нему такой последней, такой безысходной любви.

*Неслись года, как клочья белой пены...
 Ты жил во мне, меняя облик свой,
 И, уносимый встречною волной,
 Я шел опять в твои замкнутые стены.
 Но никогда сквозь жизни перемены
 Такой пронзенной не любил тоской
 Я каждый камень вещей мостовой
 И каждый дом на набережных Сены.
 И никогда в дни юности моей
 Не чувствовал сильнее и больней
 Твой древний яд отстойной печали
 На дне дворов, под крышами мансард,
 Где юный Дант и отрок Бонапарт
 Своей мечты миры в себе качали.³³*

Это чувство Парижа было мучительнее и страшнее, чем непосредственные проявления самой войны в виде налетов аэропланов и цеппелинов.

Мне вспоминается один сон, который я видел очень давно, когда еще и речи не было об аэропланах и цеппелинах,³⁴ когда я еще не бывал в Париже и не читал романов Уэльса.

Я видел себя в огромном, многоэтажном, серокаменном городе, имени которого не знал. Город был безлюден и цепенел в молчании и ужасе. Какое-то неведомое бедствие витало над ним.

В чем была грозящая беда, никто не знал, но все прятались, таились, боялись показываться на улицы. С какими-то неизвестными людьми я скрывался на чердаках пустых домов. Мы пробирались по крышам среди каменных лабиринтов, прятались за трубами, укрывались в слуховые окошки.

³² Стихотворение Волошина «Весна» (26 апр. 1915). См.: М. Волошин. Собрание сочинений, 2008. Т. 1, стр. 237.

³³ Стихотворение Волошина «Парижу» (19 апр. 1915). См.: М. Волошин. Собрание сочинений, 2008. Т. 1, стр. 243.

³⁴ Цеппелин - дирижабль жесткого типа, названный по имени немецкого конструктора Фердинанда Цеппелина. Далее Волошин приводит фрагменты из своего очерка «Цеппелины над Парижем». См.: М. Волошин. Собрание сочинений, 2008. Т. 6, кн. 1, стр. 522-524.

Помню, как я услышал гуд раздвигаемого воздуха, похожий на низкое и глухое жужжанье шмеля, и вспомнил или понял, что опасность, от которой все бежали из города, – Дракон, который иногда кружит над ним в сумерках. И тут я увидел его прямо над собой сквозь слуховое окно. Он пролетал так медленно, точно полз по небу, и так низко, что я не мог разглядеть его целиком. Я различал отчетливо серо-желтую чешую на его брюхе, и все щитки ее мерно двигались, точно дышали.

И вдруг я понял, что чешуя не живая, что она часть какого-то сложного аппарата, и что Дракон не зверь, а машина. И ужас, царивший в душе, стал превращаться от этого открытия в безграничное отвращение, более жестокое, нежели самый страх.

Этот сон я вспомнил сразу, в ночь на 22 марта 1915 г., когда, разбуженный тревожными звуками рожка, игравшего берлок³⁵ эпохи Луи XIV, и грохотом пожарного автомобиля, возвещавшими набег цеппелинов, я, наскоро одевшись, бросился на чердак и увидел прямо над собой сквозь слуховое окно, в созвездии Тельца, ярко освещенный прожектором Эйфелевой башни летучий корабль, похожий своим перспективным сужением и каннелюрами на ствол дорической колонны.

И действительность, как всегда, оказалась менее ужасна, чем сон. Полнозвездная ночь весеннего равноденствия, созвездия, служившие фоном для воздушной битвы, разрывы осветительных бомб, похожих на ракеты и римские свечи, – все это давало скорее впечатление ночного празднества с фейерверком, нежели опасности и ужаса. Эти свои впечатления я попытался тогда же зарисовать такими строками:

*Весь день звучали сверху струны и гуды стерегущих птиц.
А после ночь писала руны и взмахи световых ресниц
Черттили небо. От окрестных полей поднялся мрак и лег.
Тогда в ущельях улиц тесных заголосил тревожный рог.
И было видно: осветленный Сияньем бледного венца,
Как ствол дорической колонны, висел в созвездии Тельца
Корабль. С земли взвивались змеи, высоко бил фонтан комет
И гас средь звезд Кассиопеи. Внизу несомый малый свет
Строений колыхал громады, но взрывов гул и ядр поток
Ни звездной тиши, ни прохлады весенней превозмочь не мог.³⁶*

Кроме Парижа за первые два года войны я видел Лондон,³⁷ незыблемый, но шелохнувшийся на своих вековых устоях, потревоженный в своей привычной островной недоступности, Англию, неторопливо расправляющую плечи и напрягающую мускул руки. Ее бицепсы уже вздувались канатами, но чувствовалось, что это лишь начало и что напряженность их далеко не достигла своей предельной точки.

Я видел и нейтральные страны: Испанию,³⁸ застывшую среди своих каменистых плоскогорий, вытоптаных пастбищ, скудных нив и иссохших костяков дворцов и соборов в своей застывшей грезе, как будто ничего не ведающую о мировом пожаре.

³⁵ Берлок (фр. berloque) - барабанный бой в военных частях, оповещавший о раздаче еды.

³⁶ Авторский вариант стихотворения «Цеппелины над Парижем» (18 апр. 1915). См.: М. Волошин. Собрание сочинений, 2008. Т. 1, стр. 239.

³⁷ Волошин был в Лондоне 9-11 апр. (н. ст.) 1916, по пути из Парижа через Англию и скандинавские страны в Россию. См.: Труды и дни. Стр. 393-394.

³⁸ Живя летом и осенью 1915 в Биаррице, вблизи юго-западной границы Франции, Волошин предпринял велосипедную поездку по северной Испании (13-20 окт.). См.: Там же. Стр. 381.

Я видел Норвегию с выжженным Бергеном,³⁹ тревожно ждущую исхода войны...

В глубине своих зрачков я привез эти образы Европы, охваченной войной, с собою в Россию, и только здесь понял, до какой степени все переживаемое там не похоже на то, что переживалось здесь, и насколько самая сущность трагедии, переживаемой Европой, иная, чем трагедия, переживаемая Россией.

Попытка разобраться в том, что именно переживает Европа во время войны и какие стороны европейской культуры вызвали к бытию и действию демонические силы, правящие ныне войной и судьбами европейских народов, их характеристике и их происхождению, будет посвящена вторая часть моей беседы.

II⁴⁰

Историю гражданского права можно изучать в сводах законов, но историю международного права надо искать в музеях старого оружия. Там оно выковано в форме клинков и дул и живо в девизах, выгравированных на них.

Путь, пройденный человечеством от доброго братского кулака Канна до экстаической динамитной бомбы Равашоля⁴¹, долженствующей мгновенно преобразить весь современный строй, – длинен, разнообразен, и каждый шаг его ознаменован глубокими чертами в области права и морали.

Между заостренным куском дерева, кремневым топором, впервые зажатым в человеческом кулаке, – и бронзовыми доспехами греков, в скульптуре которых запечатлелись пластические линии бессмертных торсов; между средневековым крестоподобным мечом и между современной полевой «75», чудовищной «танкой»⁴² – прошли целые вечности культур и правовых образований.

Нынешнее европейское правосознание сплело свое гнездо в жерле пушки, а европейская мораль состоит из пережитков отжившей рыцарственной морали меча, фантастически переплетенной с возникающей и пока только начинающей формироваться моралью динамитной бомбы. Средневековая история Европы развивалась под знаком меча, Новая история – под знаком пороха.⁴³

³⁹ Волошин прибыл из Англии в Берген 13 апр. 1916, выехал оттуда в Христианию (ныне Осло) на следующий день. См.: Там же. Стр. 394.

⁴⁰ В машинописи зачеркнуто начало 2-й части лекции:

«Развитие человеческой государственности направляется и определяется двумя силами: правом и моралью.

Право, как божественный писец судьбы, честно отмечает всякое торжество силы, а мораль, как верное зеркало человеческих противоречий, то уступает искушению власти, то строгими приказами стремится восстановить нарушенное равновесие.

Каждое новое орудие разрушения и убийства, поднятое в зажатой руке человека, как магический жезл, преобразует эту область и каждым движением снова и снова определяет взаимоотношение этих двух извечно несогласных стихий порядка.

Лик и дух человека меняются в зависимости от средств нападения и защиты».

⁴¹ В 1892 г. анархист Равашоль, укравший со склада каменоломен 30 кг динамита, произвел в Париже ряд взрывов.

⁴² Подразумеваются пушка калибра 75 мм и танк, впервые примененный в ходе Первой мировой войны английскими войсками в 1916 г.

⁴³ Далее в машинописи зачеркнуто: «история будущего пройдет под знаком интроатомной энергии, то есть той абсолютной силы взрыва, для которой у нас еще нет имени».

Средневековье было священным царством меча, бывшего прообразом креста.⁴⁴ Меч был живым существом. Меч обладал магическими свойствами. В описи оружия Людовика VIII против меча, носящего имя «Лансело дю Лак», стоит сноска: «Про него утверждают, что он – фея».

И среди средневековых мечей было много таких, которые были воплотившимися феями. Каждый меч воспринимал таинства крещения и нарекался христианским именем. Меч Карла Великого носил имя «Жуайёз», Роландов меч назывался «Дюрандалем», меч Рено – «Фламбо», меч Оливье – «Отклер».

Рукоять меча была священным ковчегом, в котором хранились частицы мощей. Перед началом битвы воин целовал рукоять своего меча. Отсюда еще сохранившийся жест военного салюта саблей или шпагой.

Рыцарские мечи возлагались на алтарь и принимали участие в богослужении. В истории мечей все окружено чудом. Рыцарь – только служитель меча, который совершает в мире некую высшую волю.

На клинке меча высечены слова молитвы, которую он возглашает каждым ударом. Слова окрыляют высшим значением справедливую сталь.

«In te Domine speravi!»⁴⁵, – восклицает один меч XVI века.

«Ave, Maria, gratia plena»,⁴⁶ – говорит Тизона – меч Сида.

«Ne me tire pas sans raison, ne me remets pas sans honneur»⁴⁷, – заповедует другой кастильский клинок своему владельцу.

Но самый краткий и значительный из девизов был на мече «Коллада», принадлежавшем тоже Сиду Кампеадору: на одной стороне его клинка было высечено «Si! Si!», а на другой «No! No!» – «Да! Да! – Нет! Нет!»⁴⁸. Этот меч – символ старой европейской справедливости с ее конечным утверждением и ее конечным отрицанием.

Это девиз всей эпохи, всей культуры. Хочется прибавить, что он является прообразом человеческого сознания, которое все познаваемое рассекает на два конечных противоречия, на две несовместимые истины, на две антиномии.

Каждое движение меча было символом и священнодействием. Он был оружием избранных и посвященных. Только равному с равным дозволялось скрещивать оружие. Меч мог выступать только против меча.

Эта великая культура крестообразных мечей погибла вследствие аристократизма и исключительности своего оружия, которое почти перестало быть земным, превратившись в отвлеченный символ. Одна фламандская хроника рассказывает, как во время крестьянских войн группа рыцарей встретила с толпой крестьян, вооруженных вилами и косами. И все они предпочли умереть без сопротивления, чем

---

⁴⁴ В последующем тексте использованы фрагменты из статьи Волошина «демоны Разрушения и Закона», основанной на эссе М. Метерлинка из его книг «Двойной сад» и «Мудрость цветов» и этюде П. де Сен-Виктора «Музей артиллерии». См.: Т. 3 стр. 240-243, 247-248, 252-255, 520-523 (комментарии Н.В. Котрелева).

⁴⁵ «На тебя, Боже, уповаем!» (лат.).

⁴⁶ «Ave, Maria, gratia plena» - начало католической молитвы, восходящей к Евангелию от Луки (1, 28); славянский аналог: «Богородице Дево, радуйся!»

⁴⁷ «Не извлекай меня без причины, не вкладывай меня без чести» (фр.).

⁴⁸ Да! Да! - Нет! Нет! - Текст девиза восходит к Евангелию: «Но да будет слово ваше: "да, да"; "нет, нет"; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. V, 37).

обнажить свои мечи против этого крестьянского железа. Так перевелись витязи Святого Средневековья.

Близ Дома Св. Иоанна в Дорнахе, где я провел начало войны, имело место одно из таких страшных побоищ, где рыцари были истреблены крестьянами. Близ деревенской церкви находится их общая могила: под зеркальным стеклом, напоминающим витрину большого магазина, симметрично расположены их кости, с суровой надписью внизу: «Здесь лежат кости рыцарей, перемешанные с костями крестьян, их перебивших; покойтесь же вместе на веки веков». Это современное безвкусие, тесно переплетенное с остатками железной морали средневековья, довольно точно передает картину души теперешнего европейца.

В XVI веке, на переломе новой истории, порох явил свой дымный и зловецкий лик. Неуклюжие и несовершенные артиллерийские орудия, похожие на допотопных чудовищ, не приспособленных к жизни, сделали бесполезным благородный меч, разметали рыцарские доспехи и разбили строгое архитектурное единство средневековой морали.

В XVI веке, когда совершался кризис, меч достигает своего высшего совершенства. От этого века остались самые прекрасные образцы этого оружия: сталь клинка, скульптурные украшения эфеса, равновесие между клинком и рукоятью достигает высшего совершенства.

Это же совершенство сказывается и в формах войны этого века: битвы становятся турнирами, сражения разрешаются рядом искусных стратегических маневров, потери кровопролитных боев ограничиваются несколькими убитыми.

В то время как в частной жизни уже начинается то одичанье, в которое впала Европа после сорванного протестантским движением Ренессанса, когда предательство, кинжал и яд становятся обычными приемами, военное дело становится высоким искусством – бескровным и почти безопасным, и матери, провожая своих сыновей на войну, успокаиваются за их жизнь, тогда как в частной жизни ни одной минуты нельзя быть спокойным за жизнь близкого.

Появление пороха вызвало страшный моральный кризис, перевернувший все понятия гражданственности и устои справедливости.

Нравственное чувство рыцарства было глубоко возмущено слепым демократизмом пороха. К его применению в военном деле относились совершенно так же, как теперь относятся к применению пуль «дум-дум»⁴⁹ и подводной войне.

Маршал Вителли приказывал выкалывать глаза и отсекал кисти рук аркебузьерам, взятым в плен, как вероломным трусам, пользующимся недозволенным оружием.

Монлюк, лишившийся правого глаза от огнестрельной раны, пишет в своих «Комментариях»⁵⁰: «Надо отметить, что войско, которым я командовал, было вооружено только арбалетами, так как в те времена еще не было аркебузьеров среди нашего народа. Почему не угодно было Господу, чтобы это гнусное оружие никогда не было изобретено; тогда не носил бы я на своем теле его следы, которые до сих пор не дают мне покоя, и не погибло бы столько смелых и достойных витязей от руки трусов

⁴⁹ «Дум-дум» - разрывные пули.

⁵⁰ Подразумеваются «Воспоминания» («Memoires») Блеза де Монлюка, охватывающие период с 1521 по 1574; цитируются в упомянутом выше этюде П. де Сен-Виктора.

и предателей, которые, не смея честно глядеть в лицо противника, издали поражают его своими пулями».

Ариост посвятил новому оружию одну из песен «Неистового Орландо», в которой он восклицает⁵¹:

«О, проклятая и отвратительная машина, которая была выкована на дне Тартара рукой Вельзевула, чтобы стать гибелью мира! Она пробивает железо, дробит его и дырявит. Несчастные! отсылайте на кузню ваши доспехи, ваши мечи и берите на плечо ружья и аркебузы! Святотатственное и отвратительное изобретение! Как могло найти ты доступ к человеческому сердцу? Тобою сокрушена военная слава, тобою опозорено ремесло воина; благодаря тебе сила и храбрость стали бесполезными; благодаря тебе трус становится равен храбрейшему. Изобретатель этих гнусных орудий превзошел в мерзости своей всё, что мир когда-либо изобрел наиболее жестокого».

Подобные же слова произносит последний из рыцарей – благородный Дон-Кихот: «О, сколь благословенны те счастливые века, которые не видали ужасающей ярости артиллерийских снарядов. С их помощью рука труса может сразить храбрейшего из рыцарей. Размышляя об этом, я сожалею в глубине души, что обрек себя деятельности странствующего рыцаря в эпоху столь печальную, как наша»⁵².

Когда дымный порох, предтеча и провозвестник новых, еще более грозных Демонов, явился на призывы средневековых алхимиков, не к нему обращенные, воплотился, как гомункул новых сил, в реторте злого монаха и, ступив тяжелой пятой на старое рыцарство, разметал железные доспехи и разрушил священное царство меча, то как ни было велико потрясение, вызванное им, все же оно кажется ничтожно сравнительно с той гранью, на которой очутились мы на рубеже XX века. В XVI веке произошел громадный моральный сдвиг. Пласты почвы, в которых были укреплены устои европейской культуры, сдвинулись и поползли. Начало оползня ужаснуло, но движение было так медленно и равномерно, что к нему быстро привыкли, назвали его прогрессом и условились считать за благо. Но движение этого так называемого прогресса шло, все ускоряясь, и вот уже превратилось в лавину; наши ноги отделились от твердой земли, и мы уже слышим свист полета в ушах, и сознание, замирая, еще не смеет осознать значения этого срыва. Из всех западноевропейских писателей только у одного Метерлинка я нашел тревожное осознание совершающегося.

Интересно и поучительно сопоставить с приведенными словами Ариоста, Монлюка и Сервантеса статью Метерлинка «Боги Войны»⁵³, написанную вскоре после русско-японской войны.

Вот вкратце ход ее мыслей:

⁵¹ Подразумеваются слова Роланда, топящего в море пищаль, в песне IX (строфы 90-91) «Неистового Роланда» («Orlando furioso», 1516). Ср. в переводе М.Л. Гаспарова: Ариосто Лудовико. Неистовый Роланд. Песни 1-XXV. М.: Наука, 1993. Стр. 160-161 («Литературные памятники»).

⁵² Фрагменты речи Дон Кихота из гл. XXXVIII 1-го тома романа. См.: Сервантес Сааведра Мигель де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. М.: Наука, 2003. Т. 1. Стр. 282-283 («Литературные памятники»).

⁵³ Статья Метерлинка «Боги войны» («Les dieux de la guerre») входит в состав его книги «Мудрость цветов» («L'intelligence des fleurs», 1907). Ср.: Метерлинк М. Полн. собр. соч. Т. 4. Пг.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1915, стр. 231-235.

Лишь только среди кажущегося сна природы овладеваем мы родником новой силы, мы становимся ее жертвами или, чаще, рабами.

Точно стараясь освободить себя, мы на деле освобождаем своих грозных противников. Правда, в конце концов, эти враги покоряются нам и начинают оказывать такие услуги, без которых мы не можем обойтись.

Но едва один из них покорится нам и станет под ярмо, как он же наводит нас на след противника несравненно более опасного. Между нами есть такие, которые кажутся совершенно неукротимыми. Не потому ли, может быть, остаются они мятежными, что искуснее других правят дурными страстями нашего сердца?

Это касается главным образом изобретений в военном деле.

В первый раз с самого рассвета человеческой истории силы совершенно новые, силы, наконец созревшие и выступившие из мрака многовековых исканий, подготовивших их появление, пришли, чтобы устранить человека с поля сражения. Вплоть до этих последних войн они появлялись лишь отчасти, держались в стороне и действовали издали. Они еще колебались в своем самоутверждении, и еще оставалось какое-то соответствие между их необычайным действием и движением нашей руки. Действие ружья не превышало границ нашего зрения, и разрушительная сила самой страшной пушки, самого грозного из взрывчатых веществ, сохраняла еще человеческие пропорции. Теперь мы переступили все грани и окончательно отреклись от власти. Царство наше кончено, и вот мы, как крупницы песка, отданы во власть чудовищных и загадочных сил, которые мы посмели сами воззвать себе на помощь. По мере того как армии растут и организуются, по мере того как оружие совершенствуется, а наука идет вперед и овладевает все новыми и новыми силами природы, судьба сражений все более и более ускользает от полководца и отдается во власть непостижимых законов, именуемых случаем, счастьем и роком.

Наполеон единственный из всех полководцев последних европейских войн поддерживает иллюзию руководства людьми. Но что бы он мог сделать сегодня? Те детские силы, которыми управлял он, выросли, и уже иные боги строят наши ряды, потрясают нашими крепостями, топят наши броненосцы. Они больше не имеют человеческого облика, они возникают из первичного хаоса, вся их власть, их воления, их законы находятся за пределами нашей жизни, по ту сторону сферы нашего понимания, в мире, для нас совершенно замкнутом, в мире, наиболее враждебном судьбам нашего рода, в бесформенном и грубом, в мире инертного вещества.

И этим-то слепым и чудовищным незнакомцам, у которых нет ничего общего с нами, которые повинуются побуждениям и приказам настолько же неизвестным, как те, что царят на отдаленнейших звездах, этим-то непостижимым и неодолимым силам, этим-то чудовищам, которых нельзя отнести ни к какому порядку, доверяем мы почти божественные полномочия: превысить наш разум и расчленив справедливое от несправедливого.

Каким же нолям вручили мы наши священнейшие привилегии? Каким чудовищным ликом наделены они – взрывчатые вещества, эти ныне царствующие и высочайшие из богов, которые в храме войны свергли всех богов прошлых времен? Из каких глубин, из каких недосыгаемых бездн подымаются эти демоны, которые еще до сих пор никогда не являли своего лица дневному свету? К какой семье ужасов, к какому нежданному роду тайн причислить их?

Мелинит, динамит, панкластит, кордит, робурит, лиддит, баллистит – неопикуемые видения, пред которыми старый черный порох – пугало наших отцов, даже сама молния, в которой был для нас воплощен наиболее трагический жест божественного гнева, кажутся какими-то болтливыми кумушками, скорыми на пощечину, но почти безобидными, почти материнскими. Мята ли вы вещей извечно пленных? Или вы новая форма жизни, столь яростной, что в одну секунду она может истощить терпение двадцати столетий? Или вы разрыв мировой загадки, которая нашла тонкую трещину в законе молчания, ее сдавившем? Или вы дерзкий заем из того запаса энергии, который нашу землю поддерживает в пространстве? Кто вы – духи или материя или еще третье, не имеющее имени состояние жизни? Где черпаете вы ярость ваших опустошений, на что опираете вы рычаг, раздирающий материк, откуда ваш порыв, который мог бы преодолеть тот звездный круг, в котором земля – ваша мать – являет волю свою?

Этот ряд тревожных, перебивающих друг друга вопросов, которые Метерлинк задавал еще десять лет назад, с еще большей неотступностью стоит перед нами теперь. Но найти слова для вопроса можно только тогда, когда внутри уже созрел ответ на него.

Современные физики доказали нам, что мы живем в мире, в котором все разрушается и ничего не создается, что все силы, с которыми мы имеем дело, – теплота, свет, электричество, радиоактивность – суть только продукт непрерывного распада материи, энергия, высвобождаемая расщеплением атомов. Распад нашего космоса идет медленно, но неуклонно, и те силы, которые допрашивает Метерлинк, только преходящие личины этого извечного распада. И все это совершенно точно, поскольку касается мира физического, исследуемого современной физикой.

Но в этот материальный мир, стремящийся к конечному исчезновению, вливается мощный и зиждательный поток творящей жизни, который по-новому – биологически – сплавляет распадающиеся атомы. Каждый живой организм представляет собою малое отображение великого процесса борьбы, совершающийся в Космосе, т.е. Микрокосм. Поскольку он составлен из вещества – в нем идет постоянный распад и трепещет, напрягаясь и преодолевая его, духовный импульс жизни. Эта борьба выражается в дыхании, в биении сердца, в постоянном ритме смерти и воскресения, которым трепещет все живое. Этот же ритм пульсирует в осеннем увядании и весеннем расцвете природы, в смене человеческих поколений. В этот гибнущий мир распадающегося вещества мы вносим горенье любви и собою спасаем его от безвозвратного погружения в небытие.

Смысл нашего бытия на земле в том, что мы, напрягая все усилия духа, выгребаем против течения природы, грозящего нас увлечь в кипящие Ниагары хаоса.

Есть глубокое прозрение в словах Метерлинка о силах, которые кажутся неукротимыми, потому что правят дурными сторонами нашего сердца. Таковы все силы природы, власть над которыми дана человеку. Благодаря своему естественному уклону к распаду они таят в себе пассивное зло, которое становится активно-разрушительным, если находит себе пищу в дурных страстях человека. Но человеку же дана возможность силою духа изменить их течение. Для этого необходимо отречение от корыстно-эгоистических интересов. Всякое новое знание, всякая новая сила должны быть уравновешены в человеке равносильным самоограничением. Тогда

создается та прочная моральная самодисциплина, на которой строится правовой порядок. Общество и государственность крепки вовсе не завоеванием новых прав, которые всегда носят эгоистически-классовый характер, а добровольным отказом от естественных прав индивидуальности.

Но отречение от личных выгод никогда не совершается сознательно и одновременно с овладением новой силой природы. Напротив, человек в ней видит прежде всего преимущества, которые может извлечь из нее он сам, его семья, его государство, его племя, его раса, наконец его порода, в ущерб своим соседям. Это ведет прежде всего к нарушению общественных равновесий – промышленным кризисам, общественным катастрофам, международным усобицам, дрящимся века и тысячелетия в зависимости от значения новой силы. Только долгими кровавыми уроками человек приходит к необходимой внутренней дисциплине, которая претворяет новую силу природы, завоеванную им, из разрушительной в благодетельную.

Еще ни одна сила природы, завоеванная европейской наукой с самого начала новой истории, таковой не стала. Та же государственная дисциплина, которая дает в настоящее время гражданственную сплоченность, является следствием открытия, сделанного еще на заре всей человеческой истории, открытия, выплавившего человека из массы других хищных зверей: открытия употребления огня. Вся наша гражданственность выросла из семени первого домашнего очага и является в прообразе уважением одного скованного Прометея к другому, и ни цепи, ни коршун, клюющий ему печень,⁵⁴ в нашей социальной жизни никогда не отсутствуют.

Крестообразный меч Средневековья дал только индивидуальную закалку и отточенность этой общей культуре огненного сплава.

С начала Новой Европейской Истории в руки человека впервые дается сила, равная по своему значению силе огня: это сила взрыва. Она приходит как новый огонь и сейчас же сплетает себе гнездо в гневе, в ненависти, в жадности, во властолюбии – в основных страстях Европейца. Могучая и древняя огненная государственность не может вынести этого нового яда, который устремился на самые слабые и больные органы ее. Взрывчатые вещества несут с собою страшные нарушения равновесий права и морали. Из этих нарушений еще произойдут катастрофы, перед которыми современная война покажется такими же турнирами, как стычки шестнадцатого века. Но с уверенностью можно сказать, что в следующем цикле человеческого развития сила взрыва заступит древнее место огня, и человечество, возросшее в священном трепете перед судящим оком этих новых сил, создаст новую государственность.

Этот строй будет пронизан ритмическим трепетом сил, его породивших, которые, сбросив свои личины демонов, зримые нами, явят божественные лики новой справедливости. И, быть может, динамитная бомба, теперь разрушительная в руках анархиста, станет когда-нибудь символом нового очага, вокруг которого скристаллизуется новая семья и новая государственность, основанные на уважении одного громовержца к другому.

---

⁵⁴ Прометей (греч. миф.) - сын титана Иапета, благодетель человечества, наказанный Зевсом: он прикован к горам Кавказа, где орел выклевывает ему печень, ежедневно вырастающую вновь.

Но от этого времени мы отделены еще тысячелетиями, если только в европейской культуре не произойдет решительного морального переворота, если она сознательно не ускорит самодисциплины в смысле добровольного отказа от эгоистических выгод и преимуществ, доставляемых новыми силами. Но до сих пор европейская культура шла как раз обратным путем.

Не замечателен ли тот факт, что до сих пор не было ни одной промышленной машины, которая не была бы изобретена с мыслью облагодетельствовать человечество, и которая – раз осуществленная – не служила бы новому порабощению его? Все машины были изобретены для того, чтобы облегчить работу трудящихся, а между тем жизнь рабочих до изобретения машин кажется нам теперь золотым веком. Не одни орудия разрушения регулируют права и мораль людей: мирные промышленные силы работают в том же направлении еще с большим постоянством. Эти Демоны интимнее входят в человеческий мир, и работа их глубже и проникновеннее.

В XIX веке с европейской культурой повторилась гётевская баллада об ученике Волшебника⁵⁵, вызвавшего духов в отсутствие Учителя, но не имевшего власти приказывать им. Вызвать духов может каждый, произнесший ритуальное заклинание, но, чтобы заставить их себе повиноваться, необходимо обладать морально-очищенной волей.

Стихийные духи древней магии – и есть то самое вещество мира, которое, распаясь, рождает силы природы, которыми стремится овладеть человек. Тревожные вопросы Метерлинка дают их полную характеристику. Разница между древними стихийными духами и силами природы, с которыми имеет дело современная наука, только в той призме сознания, через которую их человек рассматривает. Если современный европеец видит гораздо яснее и точнее математические соотношения их естественных проявлений и имеет власть заставлять их беспрекословно повиноваться определенным алгебраическим формулам, то древнее сознание видело гораздо яснее их волевою, моральную сущность. В неведении этой стороны их бытия и лежит корень всех зол и бед европейской культуры.

Древний человек прекрасно знал, что слабость Саламандр, духов огня, – гневливость, и что человек холерический всегда окружен ими, но что повиноваться и служить ему они станут только тогда, когда он овладеет своей гневливостью.

Свойство Ундин – холодность, чувственность, безразличие; Гномов – жадность, скупость; Сильфов – легкомыслие. И он знал, что Вода, Земля и Воздух повинуются тому, кто победил в себе равнодушие, жадность и легкомыслие. Но горе тому, кто берется приказывать силам природы, не обуздав собственных страстей и слабостей.

Положение вещей несколько не изменилось в настоящее время. Современное артиллерийское орудие отлито из металла и дышит огнем, то есть создано работой Гномов и Саламандр. И тотчас же через него они внедряются в соответственные страсти: в гнев и в жадность. Жадность и Гнев! Вот первопричины всей теперешней войны. Динамитная бомба, как всякий взрыв, есть совместное дело Саламандр и Сильфов.

Пороки их – гнев и легкомыслие. И в этом весь современный анархизм.

---

⁵⁵ Интерпретацию этой баллады Волошин развивает в незаконченной статье «Демоны машин» (Стр. 667 наст. тома).

Поэтому любая машина, созданная с самыми человеколюбивыми намерениями, тотчас же демонически перерождается на почве человеческой жадности. И эффект сил, возванных европейской индустрией, тот же самый, что в балладе «Ученик Волшебника»: перепроизводство. В гётевской балладе духи затопляют его вместе с домом потому, что он не умеет приказать им перестать носить воду. Здесь Европа начинает задыхаться от обилия никому не нужных дешевых товаров, начинает искать для них рынки, создает колониальный империализм, и дело кончается мировой войной.

В XIX веке в Европе для действий стихийных духов были построены постоянные восприемники – машины. Демоны машин, получив плоть и форму, стали постоянными соседями человека, постепенно перестроили его жизнь на свой лад, соблазняя его дешевыми приманками комфорта, дешевизны и скорости, увлекая ее на пути тупого материализма и морального распада.

Влияние их сказалось во всем. Даже в одежде: европейский мужской костюм, который держится уже более столетия без изменений, несмотря на всю свою нелепость, некрасивость, непрактичность и неудобство, – он появляется одновременно с первыми паровыми машинами, которым он подражает в цвете, в покрое и в формах. Живые мускулы рук и ног он заключает в шерстяное подобие чугунных труб, дымовую трубу надевает человеку на голову, торс облекает в сюртук, долженствующий изображать паровой котел, и симметрически украшает его блестящими заклепками – пуговицами, для того чтобы придать полную законченность этой безобразной ливрее священнослужителя и раба паровой машины.

В области морали Демоны Машин внушают людям черствые теории «Здорового эгоизма», а в области социального творчества на место огненных Прометеевых утопий о создании нового человечества незаметно подставляют безысходный *Amor fati*⁵⁶ экономического материализма. И в то же время они диктуют человеческому строю жизни особые требования методичности, регулярности, машинного порядка, сухой регламентации, необходимой для правильного отправления их работы. Ко времени начала европейской войны Германия на несколько шагов опередила другие страны в области машинизма, и та ее политическая мораль, которая возмущала своим цинизмом другие страны, была не чем иным, как моралью, продиктованной Демонами Машин. И ни одна страна, раз ступившая на ту же ступень машинной культуры, не сможет избежать ее.

Нашествие машин на современную Европу невольно напоминает картину апокалиптической саранчи:

«...И я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь, и вышел дым, как из большой печи, и помрачилось солнце и воздух от дыма. И из дыма вышла саранча на землю и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, никакому дереву, а только одним людям... Царем над собой она имела Ангела бездны. Имя ему Аполлион, что значит Истребитель»⁵⁷.

⁵⁶ *Amor fati* (лат.) - любовь к судьбе; формулировка Ф. Ницше («Веселая наука», кн. 4, афоризм 276), предполагает восприятие всего сущего как фатально предопределенного.

⁵⁷ Откр. IX, 1-4, 11 (неточная цитата).

Этот образ внушил мне такое видение современной войны, означенной именем

АПОЛЛИОН

Из звездной бездны внутренних пространств
 Раздался голос, возвестивший: «Время топтать точило ярости!
 За то, что люди для Демонов, им посланных служить,
 Тела построили и создали престолы,
 За то, что Гневу огня раскрыли волю
 В разбеге жерл и в сжатости ядра,
 За то, что в своевольных течениях воздуха
 Сплели гнездо мятежным духам взрыва,
 За то, что безразличью текучих вод и жаркого тумана
 Дали мускул бегущих ног и вихри колеса.
 За то, что жадность руд в рать пауков железных превратили,
 Неумолимо ткущих сосущие и душащие нити, -
 За то освобождаю плененных Демонов от клятвы покорности,
 А хаос, скованный в круженьях вещества и в пляске вихрей, -
 От строя музыки!
 Даю им власть над миром, покамест люди не покорят их вновь,
 В себе самих смилив и оборов Гнев, Жадность, Своеволие, Безразличие...»

И видел я: разверзлось небо в созвездьи Льва,
 И бесы на землю ринулись ...
 Оставив дома, сгрудились люди по речным долинам,
 Означившим великих царств межи,
 И, вырывши в земле ходы змеиные и мышьи тропы,
 Пасли стада прожорливых чудовищ – сами и пастыри, и пища.
 Время как будто опрокинулось...
 И некрещеным водой потопа казался мир:
 Из тины выползали огромные коленчатые гады,
 Железные кишели пауки, змеи глотали молнии,
 Драконы извергали снопы огня и жалили хвостом,
 В морях и реках рыбы метали икру смертельную,
 От ящеров крылатых свет застилался,
 Падали на землю разрывные и огненные яйца,
 Тучи насекомых, чудовищных строеньем и размером,
 В телах людей горючие личинки оставляли,
 И эти полчища исчадий, получивших и лик и плоть и злобу от людей,
 Снедь человечью жалили, когтили,
 Давили, рвали, жгли, жевали, пожирали.
 А города, подобно жерновам без усталости работая, мололи
 Зерно отборное из первенцев семейств на пищу Демонам.

И Ангел Бездны, ликуя, возгласил:
 «Снимается проклятье Вавилона!
 Языков разделенью пришел конец!
 Одни и те же речи живут в устах врагов.
 Но смысл имен и емкость слов я искажил внутри.
 Понянья спутались, язык же стал безвыходно единым.

*Каждый мыслит войной убить войну и одолеть жестокостью жестокость.
И мученик своею правдой множит мою же ложь.
Мудрость, бесстыдно обнажившись, как блудница, ласкает воинов,
А Истины, сошедшие с ума, резвясь, скользят по лужам
Обледелой крови...»⁵⁸*

С дьявольским издевательством кинут современный человек на забаву им самим созданным чудовищам. И напрасно старается он победить их в борьбе внешней, выступая против них лицом к лицу. Власть над ними лежит внутри человека. Они только собственные страсти и эгоизм человека, получившие облик и бытие. Одно внутреннее преодоление самого себя – и эти страшилища лягут у его ног, – укрощенные, как звери у ног Орфея.⁵⁹ Но современный европеец, с гордостью называющий себя «Blonda Bestia»⁶⁰ и проникнутый теориями «Здорового эгоизма», слишком далек от этого метода борьбы.

Между тем эти чудовища разрушения и производства, предоставленные своему естественному развитию, дают жизнь другим, несравненно более сложным исполинам, созидающимся на наших глазах.

Мы присутствуем при возникновении и при первой борьбе Великих Леонафанов, в том смысле, какой придал этому зверю Гоббс⁶¹:

«Множество, соединенное в одном лице, именуется Государством – Civitas. Таково происхождение Великого Леонафана, или, говоря почтительнее, этого смертного бога».

Если мы представим себе органическую клеточку, одаренную сложной духовной жизнью, сознанием своей индивидуальности и моральным импульсом, включенной как пассивно служебная часть в огромный организм, правда, начинающий собою порядок высшего своего развития и стоящий духовно несравненно ниже образующих его клеточек, то мы будем <иметь> приблизительное понятие о положении отдельного человека в современном государстве. Современное государство представляет из себя огромный организм, строящийся помимо племени, расы, языка и религии, вопреки беспочвенной и устарелой идеологии Вудро Вильсона,⁶² основываясь на которой, собираются сейчас перекраивать Европу, вопреки принципу самоопределения народов, – организм, строящийся только на основании промышленных, то есть пищеварительных, функций.

⁵⁸ Стихотворение Волошина «Аполлион» (23 апр. 1915) - первоначальная редакция стихотворения «Война» из цикла «Путями Каина». См.: Т. 2 наст. изд. стр. 608-610.

⁵⁹ Орфей (греч. миф.), сын фракийского речного бога Эагра (вариант: Аполлона) и музы Каллиопы, славился как певец и музыкант, магической силе искусства которого покорялись люди, боги и живая природа.

⁶⁰ «Blonda Bestia» (лат.) – «белокурая бестия»; образ «сильной личности», не ограничивающей своих желаний моральными устоями, созданный Ф. Ницше.

⁶¹ Имеется в виду книга Томаса Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651); в ней государство уподобляется библейскому морскому чудовищу Левиафану. Ту же цитату Волошин поставил эпиграфом к стихотворению «Левиафан» (Т. 2 наст. изд. стр. 57).

⁶² Президент США В. Вильсон еще до вступления США в Первую мировую войну выдвинул идею создания послевоенного союза государств, наиболее полно сформулированную в так называемых «Четырнадцати пунктах» (январь 1918).

Современное государство – это челюсть и желудок, соединенные довольно примитивной нервной системой и весьма сложным кишечником и снабженное миллиардами разнообразных бактерий, обслуживающих этот гениальный пищеварительный аппарат.

У этих Левиафанов еще не развилось никаких высших органов. У них нет ни мозга, ни сознания, ни памяти, ни речи. Они знают только голод, зияющий в глубине вечно неудовлетворенного желудка, и доступны им только бессознательные эмоции совершающегося пищеварения.

Мне представляется спор Иова, лежащего на мусорных свалках современной полуразрушенной Европы, с Богом, который показывает ему свое последнее создание, которое должно быть завершением всех земных тварей, – Левиафана, и произносит бессмертные слова: «Заключишь ли ты договор с Левиафаном и возьмешь ли его себе в рабы? Кто может подойти к двойным челюстям его? Круг зубов его ужасен. Сердце его твердо как камень и жестко как нижний жернов. Нет на земле подобного ему. Он сотворен бесстрашным. На все высокое глядит он смело. Он царь над всеми сынами гордости».⁶³

И мне слышится такой разговор, отсутствующий в Библии:

*Мне – Иову – сказал Господь: «Смотри:
Вот царь зверей – всех тварей завершенье:
Левиафан. Тебе разверзну зренье,
Чтоб видел ты, как вне, так и внутри
Частей его согласное строенье
И славил правду мудрости моей».
И вот, как материк из бездны пенной,
Взрыв Океан, поднялся зверь зверей -
Чудовищный, свирепый, многочисленный...
В звериных недрах глаз мой различал
Тяжелых жерновов круговращенье,
Вихрь лопастей, мерцания зеркал
И беглый огонь и молний излученье.
«Он в день седьмой был мною сотворен, -
Сказал Господь: Все жизни отправленья
В нем дивно согласованы. Лишен
Сознания – он весь пищеваренье.
И человечество извечно включено
В сплетенье жил на древе кровеносном
Его хребта, и движет в нем оно
Великий жернов сердца. Тусклым, косным
Его ты видишь. Рдяною рекой
Струится свет, мерцающий в огромных
Чувствилищах, а глубже в безднах темных
Зияет голод вечною тоской.
Чтоб в этих недрах – медленных и злобных
Любовь и мысль таинственно воззвать,*

⁶³ Контаминация неточных цитат с изложением фрагментов из Книги Иова (XL, 20-24, XLI, 5-6, 16, 25-26).

Я сотворю существ, ему подобных,
 И дам им власть друг друга пожирать».

И видел я, как бездна Океана
 Извергла в мир голодных спрутов рать:
 Вскипела хлябь и сделалась багряна.
 Я ж день рожденья начал проклинать
 И говорил: «Зачем меня сознаньем
 Ты в этой тьме кромешной озарил,
 И дух живой вдохнув в меня дыханьем,
 Дозволил стать рабом бездушных сил,
 Быть слизью жил, бродилом соков чревных
 В кишках чудовища?» В раскатах гневных
 Из бури отвечал Господь: «Кто ты,
 Чтоб весить мир весами суеты
 И смысл хулить моих предначертаний?
 Весь прах, вся плоть, посеянная мной,
 Не станут ли чистейшим из сияний,
 Когда любовь растопит мир земной?
 Сих косных тел алкание и злоба
 Лишь первый шаг к пожарищам любви.
 Я сам в тебя сошел, как в недра гроба,
 Я сам огнем томлюсь в твоей крови.
 Как я тебя – так ты взыскуешь землю.
 Сгорая – жги. Замкнутый в гроб – живи.
 Таким мой мир приемлешь ли?» – Приемлю.⁶⁴

Господь объясняет Иову жестокие и неизбежные пути, которыми Он ведет своих тварей к познанию любви: «Чтоб в этих недрах, медленных и злобных, любовь и мысль таинственно воззвать, я сотворю существ, ему подобных, и дам им власть друг друга пожирать». И раскрывает ему последние цели человечества: распадающийся космос материи должен быть спасен человеком и плоть мира должна преобразиться в чистейшее из сияний божественных слав. «Весь прах, вся плоть, посеянные мной, не станут ли чистейшим из сияний, когда любовь растопит мир земной?»

И говорит о долге человека перед Богом и космосом:

«Я сам сошел в тебя как в недра гроба, Я сам томлюсь огнем в твоей крови. Как я тебя, так ты взыскуешь землю. Сгорая жги. Замкнутый в гроб – живи».

И человек – Иов – отвечает добровольным приятием своего страшного подвижничества, своего распятия в недрах чудовища.

Так все темные силы, воззванные человеком, соединяются в чудовищное существо нового порядка, сплавленное из всех темных страстей человеческой природы, которое поглощает и поработывает человека, и в то же время от него же ждет избавления, наступающее только через внутреннее преображение самого человека.

Вот те видения, которые мне было дано увидеть в Западной Европе, сквозь дымно-пламенный кристалл войны.

И когда я склонялся над кладбищами великих мировых побоищ, мне представлялся тот день, когда земля «вернет мертвых, бывших в ней»,⁶⁵ когда начнется

⁶⁴ Авторский вариант стихотворения «Левиафан» (9 дек. 1915). См.: Т. 2 наст. изд. стр. 51-59.

обещанное воскресение «во плоти». Плоть – это не одно тело человека: это все его чувства, мысли и представления о мире: все, что он при жизни вбирал в себя от вселенной и преображал собою. Мне представилось, как при звуках трубы Архангела из земли начнут прорасти похороненные в ней трупы, и тела, оживая, вберут в себя всю видимую вселенную и она исчезнет, и каждый тогда увидит звездный космос уже не вне, а внутри себя, и это будет мигом Страшного Суда, когда последний приговор над человеком будет произнесен им самим.

*Праху – прах. Я стал давно землей.
Мною цвели растенья, мною светило солнце.
Все, что было плотью, развеялось, как радужная пыль,
Живая, безымянная..
И Океан времен катил прибой столетий.
Вдруг призыв Архангела, насквозь сверкающий
Кругами медных звуков, потряс вселенную.
И вспомнил себя я каждую частицей, рассеянною в мире.
В трубном вихре плотью истлевшие цвели в могилах кости.
В земных утробах зашевелилась жизнь,
А травы вяли, сохли деревья, лучи темнели, холодело солнце.*

*Настало великое молчанье. В шафранном и тусклом сумраке
Земля лежала разверстым кладбищем.
Как бурые нарывы, могильники вздувались, расседались,
Обнажая побеги бледной плоти.
Пясти ростками тонких пальцев тянулись из земли.
Ладони розовели, стебли рук и ног с усилием проросли,
Вставали торсы, мускулы вздувались,
И быстро подымалась живая нива плоти, волнуясь и шурша..
Когда же темным клубнем в комках земли и спутанных волос
Раскрылась голова и мертвые разверзлись очи -
Небо разодралось как занавес, иссякло время,
Пространство сморщилось и перестало быть.
И каждый внутри себя увидел Солнце в Зверином круге
И сам себя судил..*

Октябрь 1918 г.

Максимилиан ВОЛОШИН

Собрание сочинений, 2008, Том шестой, Книга вторая, Проза 1900-1927.

---

⁶⁵ Откр. XX, 13: «Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них».